

700
庚午年四月一日第三號郵便物認可(通判)

РУБЕЖ

ХАРБИН. XV ГОД ИЗДАНИЯ

ДОРОТЕЯ ВИК.

№ 34 (707)

16-го августа 8 года Кан-Да
(1941 года).

Цѣна — 45 ф.

В Китаѣ — 55 ц.

В минувшем году, в одном из частных собраний, в Москве, был обнаружен авторский автограф А. П. Чехова — выписка из „Сахалинского дневника“, который он вел во время своего путешествия на остров.

В 1891 году журнал „Осколки“ дал, в качестве премии, своим подписчикам альбом автографов под названием „Петром и карандашом“. На просьбу издателя Н. А. Лейкина — прислать автографы, откликнулось около 100 человек. В том числе писатели — Григорович, Лясков, Боборыкин, Полонский, Мамич-Сибиряк, Чехов, художники — Ряпин, Айвазовский, Самокиш, актеры — Южин, Писарев, Савина, композиторы — Чайковский, Ант. Рубинштейн, Кюи и другие.

В альбомѣ этомъ, рядомъ с шуткой — серьезная мысль, за карандашнымъ наброскомъ — нотный отрывокъ, проза чередуется со стихами. Полонскій, напримеръ, далъ свой автографъ с многочисленными исправленіями своего стихотворенія „А. А. Фету“ („О, не забуду я тотъ первый огонекъ...“). Чайковскій — нотный отрывокъ из второй картины „Евгенія Онегина“ („Вообрази, я адѣсь одна...“). Антонъ Павловичъ далъ печатаемый ниже отрывокъ из своего дневника. Об отрывкѣ этомъ онъ упоминалъ в одномъ из писемъ к П. Н. Исакову. Повидимому, онъ уничтожилъ его послѣ использованія, при работѣ над книгой „Остров Сахалин“.

Описываемый в отрывке эпизод с американскими китобоями не вошел в книгу "Остров Сахалин", его нет и в рукописях, хранящихся в чеховском отделении музея. Огрывок этот гласит дословно:

18 сентябрь. Корсаковский пост. Допрашивали в Полинейском Управлении американцев-китобоев, потерпевших крушение. Пять американцев и один черный. Они рассказали, что капитан судна послал их на шлюпку вдогонку за китом; они загарпунили кита и пошли за ним на буксиръ; от сильного хода шлюпка дала течь; пришлось обрывать буксир и пустить кита. Наступили потемки, судна не было видно. Утром туман. Штормовали потом в морѣ четверо суток, имѣя при себѣ только 10 фунтовъ хлѣба. Выбросило их на юго-восточном берегу Сахалина у мыса Тоина. Антон Чехов*.

Чехов присутствовал тогда при допросѣ этихъ шести челоуѣкъ въ Полициискомъ управленіи; англійскаго языка онъ не зналъ; показанія ихъ переводилъ спеціальный переводчикъ. Позднѣе, Чеховъ получилъ копію протокола допроса — этотъ протоколъ находится въ папкѣ сахалинскихъ документовъ въ отдѣлѣ чеховскихъ рукописей. Протоколъ писалъ секретарь Управленія, на квартирѣ котораго было отведено Чехову помѣщеніе и, вѣроятно, онъ и пригласилъ писателя присутствовать при допросѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайную сжатость записи Чехова: в 15 строкахъ рассказаны всѣ приключенія моряковъ, с предѣльной полнотой и ясностью. Для нашихъ модныхъ писателей онъ показатель чеховской манеры письма, гдѣ «словамъ тѣсно, а мысли просторно...»

Чеховское мастерство письма выражается не только в краткости и выразительности, но и своей необычайной целеустремленностью, в смысле воздействия на читателя.

Пятьдесят лет тому назад, получив от старика Суворина, издателя "Нового времени", упрек за чрезмерную объективность в изображении конюх-красавицы - Воры, он возражал:

— Вы браните меня за объектив-
ность, называя ее равнодушием к добру
и злу, отсутствием идеалов и идей и
проч. Вы хотите, чтобы я изображая
жизнь, говорил бы: кража лошади
есть зло... Но, когда я пишу, я вполне
рассчитываю на читателя, полагая, что
недостатки в рассказе субъективные
элементы он подбавит сам*.

Этот чеховский "эпизод" не исполняется, зачастую, не только молодыми писателями, но и "старичками", которые пишут по десяти лет и больше, и уже получившими "признание". А между тем, выполнение этого правила дает писателю большую экономичность слов. В этом — один из секретов мастерства сжатого письма.

В письме своем к писательнице
Авиловой в марте 1892 года Чехов от-
мечал, между прочим:

...Вам мой читательский совет: когда изображаете горемык и бездельных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холодною — это даст чужому горю как бы фон, на котором оно вырисовывается рельефнее. А то у Вас и герой плачет, и Вы плачете. Да, будьте холодною".

Через мѣсяц Чехов пишет ей же снова:

снова:
"Как то писал я Вам, что надо
быть равнодушным, когда пишешь жа-
лостные рассказы. И Вы меня не поня-
ли. Над рассказами можно и плакать, и
стенать, можно страдать заодно со свои-
ми героями, но, полагаю, нужно это
делать так, чтобы читатель не заметил
этим объективнее, тем сильнее выходит
впечатление. Вот что я хотел ска-
зать".

Через год, Чехов снова возвращается, в своем письме к Авиловой, к той же темѣ:

«Вы дѣлаете большіе успѣхи, но
позвольте мнѣ повторить совѣтъ — пи-
сать холоднѣе. Чѣм чувствительнѣе по-
ложеніе, тѣм холоднѣе слѣдует писать
и тѣм чувствительнѣе выйдет».

В своей перепискѣ с Горьким, во втором своем письмѣ, Чехов пишет ему:

«Вы спрашиваете, какого я мнения о Ваших рассказах. Какого мнения?

Талант несомненный и при том настоящий, большой талант. Напримѣр, в разсказѣ „В степи“ он выразился с необыкновенной силой, и меня даже зависть взяла, что это не я написал. Вы художник: умный человек, Вы чувствуете превосходно, Вы пластичны, то есть когда изображаете вещь, то видите ее и ошупываете руками. Это настоящее искусство. Вот Вам мое мнѣніе...

Говорить теперь о недостатках? Но это не так легко. Говорить о недостатках таланта, это все равно, что гово-

АРКАДІЙ С.

✱ ✱
✱

Был час отлива. Отошло

Немного вдале, большое море;

И на пѣскѣ одно весло

Лишь глоток в просторѣ.

рить о недостатках большого города, которое растет в саду; тут, ведь, самым обильным было не в самом городе, а во вкусах того, кто смотрит на город. Не так ли?

Начну с того, что у Вас, по моему мнению, нет сдержанности. Вы, как зритель в театре, который Вы, как свои восторги так и совершенства, выражает, шает слушать себя и других. Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы, которыми Вы прерываете диалоги; когда читатель их прерывает, то хочется, чтобы они были сжаты, лаконичны, короче. Так в 2-3 строках описаниях женщины («Мальца» и в «Историях») и любовных сцен. Это не размах, не широта кисти, а именно несдержанность».

В одном из следующих своих писем к Горькому, он поднимает вопрос и о читателе:

«В Вашем рассказе „Кириллка“ все портит фигура земского начальника. общий тон выдержан хорошо. Но изображайте никогда земских начальников! Ничего легче, как изображать неимпатичное начальство, читатель любит это. но это самый неприятный, самый бездарный читатель».

Не лишне отметить, что в юбилейные чеховские дни в советской печати давались справки об имущественном положении писателя в весьма мрачных тонах. Эти попутныя с общим содержанием информации должны были, видимо, подчеркнуть, что в ловогиной России к писателям относились плохо и всячески их притѣсняли.

Вот одна из таких справок в одном
московском "толстом" журнале:

— Чехов вынужден был продать издателю „Нивы“ — Марксу, свои прошлые, настоящие и будущия произведения для того, чтобы купить хотя бы дешевый участок земли.

В другом мѣстѣ той же статьи —
новая жалоба:

— Почти год прошел, прежде чѣм писателю с мировым именем удалось найти средства на постройку дома.

Из биографии Чехова известно, однако, что за семь лет до этих столь драматично описанных материальных бедствий, еще только входя в известность, Чехов приобрел под Москвой имение площадью свыше двухсот десятин. А в то время, когда он, якобы, запродался издателю „Нивы“, чтобы купить в Ялте „хоть дешевый участок земли“, у него был уже один участок в Гурзуфе, а другой — в Кучук-Ксие. Ялтинский участок был уже третий.

На чем же фиксировала здѣсь вниманіе читателя совѣтская печать? На доходах Чехова. Вот, если бы дескать, издатели не были такими кровопійцами и платили Чехову что слѣдует, то он мог бы пріобрѣтать любые понравившіеся ему участки земли и все было бы прекрасно и Чехов писал бы бодрѣе, веселые рассказы, а не такіе мрачные, как „Палата № 6“, гдѣ у читателя появляется такое чувство, что его самого заперли в этой палатѣ.

Один из советских критиков в та-
ких именно выражениях и определил
эту „неправильную“, мягко говоря,
точку зрѣнія сарих коллег-публици-
стов.

А. Ребринский,